

НЕ ВСЕМ сразу легко в детском доме. Поют ребята песню, которую давным-давно сложили здесь: «У скворца — скворечник, у ореха — орешник, а у нас — наш детский дом...» Екатерина Андреевна ловит лёгкую недоверчивую усмешку новенькой — Таты.

Возвращаясь со двора, переступая порог, ребята привычно сбрасывают туфли, ныряют в шлёпанцы. А у Таты на лице, когда она проделывает это: «Что ж, снимем-наденем, если так уж вам этого хочется, поиграем в уютный дом».

Сколько же времени надо, чтобы стало Тате тепло в доме не только потому, что здесь хорошо кормят, одевают, учат?

Разные беды приводят ребят в детский дом. Одни, тяжело пережитые, остаются за его порогом, другие тянутся за человеком, как серая тень. Легко вот этой черноглазой и яростной. Отчеканивая каждое слово, она наступает на Екатерину Андреевну: «И вы собираетесь... исправлять меня? А знаете, что говорили все моей матери: «Отвезите её подальше и забудьте». Вот!» Тут всё ясно. Воевала девочка с матерью, которая увлеклась приобретательством, забила квартиру мебелью, хрусталём — для живого человека места не осталось. А в детском доме пошумит, побуянит и станет своей. Всё ей будет интересно, всё нужно.

У Таты мама в лечебнице, далеко в горах. И страх за неё мучает, и ещё чувство непоправимой вины.

Как ни горько, только это иной раз случается, когда растёшь: всё дальше, всё отчуждённее становится самый родной человек — мама. Живёшь рядом — а как за тысячу километров. Тоскуешь о ней такой, какой она была в твоём детстве: мягкой, ласковой, весёлой. Всё верно — жизнь обошлась с ней круто. Но значит, в доме теперь всегда будет хмуро? Ни смеха, ни шуток? А что, если сейчас распахнуть дверь и с порога рассказать что-нибудь весёлое, беззаботное, чтобы мама забыла про ссоры и сама беззаботно рассмеялась?..

Но нет, на пороге останавливаешься. И, насулившись, медленно открываешь дверь. Сейчас мама строго спросит: «Опять ты задержалась. Где?» Рассказывать про смешные

«У СКВОРЦА-СКВОРЕЧНИК, У ОРЕХА-ОРЕШНИК...»

Теперь ты здесь, и ничто не вернёшь, не исправишь — мама далеко, одна со своей болезнью и тревогами...

Твоя первая в жизни опора — мама. Нет человека, которому было бы легко, когда до острой боли натягивается и трещит эта нить. Жизнь может показаться безнадежно чёрной, одинокой, и каждый в ней обидчиком. А обижаться так легко.

Но вот Екатерина Андреевна. Она просто не давала на себя обидеться. Когда заметила у Таты под одеялом уличного котёнка, тихонько вытащила его и пошутила насчёт девочки-сопки, которая может проспать

ней почему-то не хотелось спорить. Может, поэтому Тата сдала нормы кандидата и скоро будет славать на мастера.

Но это случилось не сразу, ведь прошёл уже целый год.

Удивительный это был год. Тата нет-нет да и прокрутит назад кадры детдомовской жизни и себя там увидит.

БЫЛ СМЕШНОЙ ДЕНЬ.

Это когда Гена вырос перед окном класса, где шёл урок Екатерины Андреевны: бледный, руками, как мельница, машет. Екатерина Андреевна в испуге — к окну: «Пожар? Несчастье?» А Генка

лого, позапрошлого года. Так они отпуск свой проводили.

БЫЛИ ДНИ ВОЛНУЮЩИЕ. В ответ на их письмо — они разыскивали защитников «Малой земли» — пришёл добрый, ласковый ответ Леонида Ильича Брежнева. А потом ребят позвали к себе в гости московские ветераны. На встрече были и слёзы, и смех. А по возвращении ждал всех сюрприз.

ЭТО БЫЛ ДЕНЬ ВЕЛИКОГО ПИРА. На столе стояли домашней выпечки необъятные торты. Именинниками смотрели комиссар экспедиции Луарсаб и ещё четверо ребят. Они уходили

пришли музыканты. «Наверное, не идти?» Екатерина Андреевна только брови подняла: «Трубы, точно знаю, не растают, медные. Может, вы сахарные?» Это было зрелище! Гром гремит, ещё громче оркестр, за ним десятиклассницы с зонтиками выпрыгивают под дождь, как кенгуру! «Вот дают детдомовские!» — восхищённо ахает улица.

Уходящим из детдома каждый обязательно писал что-нибудь на память. И Тата написала: «Страшно подумать, что было бы со мною без вас, ребята, без Екатерины Андреевны».

Это было новое и удивительное чувство — чувство дома, в котором хорошо жилось доверчивости и люди были великодушны друг к другу. Они не сердились по пустякам, умели прощать обиды и первыми протягивали руку дружбы.

Осенью поехали навестить маму Таты. Екатерина Андреевна волновалась. А вдруг опять барьер, опять натянутость и напряжение? Тата от порога бросилась к маме...

Тут бы и сказке конец. Только жизнь — не сказка, и далеко ещё до счастливой развязки. Ещё бороться маме Таты с болезнью за жизнь. Ещё самой Тате становиться на ноги... И всё-таки счастье случилось: ушла из их жизни тягостная тень отчуждения и, значит, больше сил для борьбы.

...Случилось это ещё в прошлом году, но день этот врезался в память Таты. Может быть, именно в тот день был снят последний кирпич её душевной закреплённости? Приехал Лёва, в детдомовской хронике — Рыжик. Стал он офицером и пожаловал теперь звать Екатерину Андреевну на свою свадьбу. Вёз ей огромный букет, а приехал с пустыми руками. В поездке, рассказывал Лёва, какая-то старушка сказала: «Небось, девушке везёшь, кто нас, матерей, нынче балует?» «Да нет, бабушка, как раз маме». Лёва разводит смущённо руками: «Вёз вам а отдал ей, так она завлакала».

Тата переводит взгляд с Лёвы на Екатерину Андреевну: неужели же не догадывается? Ведь вся эта история нужна Рыжику, чтобы через десять лет разлуки сказать одно-единственное, самое необходимое слово

«Ой, Лёвушка! — шумно смеётся Екатерина Андреев-

ЗАГРАНИЧНАЯ ПРИНЦЕССА

— Вряд ли, — ответил Гут, выглядывая в заднее окошко. — Не представляю, как мы вырвемся из города. В любой момент они могут закрыть ворота.

— Эх, нет у меня меча! — вздохнул Пашка. — Я бы их задержал. — Вы только на него посмотрите! — улынулась Изабелла, достав из серебряной сумочки зеркало, грёбень и приводя в порядок причёску. — Он снова расхрабрился.

Пашка насупился. — В самом деле, молчал бы — сказала Алиса. — Столько из-за тебя...

Она поглядела в окно. Совсем близко из домов выглядывали изумлённые лица: никому не приходилось видеть, чтобы карета с королевским гербом с такой скоростью мчалась по улицам.

— Мне так вас не хватало! — сказала Алиса Изабелле.

— Мы с Грико чуть бы не опоздали.

Карета замедлила ход. — Сейчас будут ворота, — сказал шут. Изабелла откинула окошко и выглянула наружу. Карета встала.

— Ложитесь на пол, — прошептал шут.

Алиса услышала ленивый голос начальника стражи у ворот:

— Кто едет? По какому делу?

Ему ответил холодный, презрительный голос королевы-мачехи:

— Нахал, не узнаёшь свою вдовствующую королеву-мачеху?

— Узнаю, ваше величество! Поднимайте решётку, опускайте мост! Шевелитесь! Её величество изволит гневаться!

Завизжали железные цепи.

Сзади донёсся шум. Алисе показалось, что она различает крики и стук копыт. Как медленно поднимается решётка!

— Что такое? — послышался голос стражника. — Кто-то скачет.

— Грико, гони! — приказала Изабелла.

— А вы?

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 82—85, 87, 88, 91—96.

— Я постараюсь их задержать! Меня не тронут. Карета рванулась с места. Всё быстрее, быстрее. Сквозь стук колёс и шум погони слышен голос Изабеллы:

— Счастливого пути, принцесса Алиса!

Карета накренилась назад, словно взбиралась в гору.

— Эй, вороны, не подведите! — кричал Грико.

Карета взлетела на подъёмный мост, который ещё не успели до конца опустить, лошади прыгнули через широкую щель, карета — за ними, ударились передними колёсами о дорогу, чудом не рассыпалась и мягко покатила прочь от города.

ПРОЩАЙ, ШУТ!

Шут встал на колени, глядя в заднее окошко.

— Ждут, пока мост опустят, не решаются прыгать. Тоже мне смельчак!

— Они не убьют Изабеллу? — спросила Алиса.

— Не посмеют. Но ей пора отсюда уезжать. Со временем обязательно отравят. А меня могут зарезать. А жалко...

— Давайте спрячемся где-нибудь и переждём, — сказал Пашка. — Потом вернёмся в город и увезём Изабеллу. Опасно её оставлять.

— Нет, вам пора возвращаться, — сказал шут. — Они сейчас всё королевство на ноги поднимут. Как-нибудь без вас разберёмся. И мне нельзя с вами. Я, так сказать, из другой истории. А вот девочку захватите.

Карета подпрыгивала на ухабах, взбираясь на холм. Здесь Алиса встре-

тилась с Грико и маркизом...

— Скорей, Грико! — крикнул шут. — Они догоняют.

— Я и так погоняю изо всех сил. Одно колесо держится еле-еле, может отвалиться. — ответил оруженосец.

— Поворачивай на просёлок и гони до оврага. Знаешь, где овраг?

— Знаю.

— В овраге разверни карету поперёк дороги.

Карета покатила вниз. Всё слышнее был стук копыт.

— Держитесь! — крикнул шут, подхватывая девочку. Карета наклонилась, разворачиваясь. И замерла. Тяжело дышали кони. Дверь распахнулась.

Выбравшись из кареты, Алиса увидела, что в этом месте дорога стиснута крутыми откосами.

— Бегите за шутком, — сказал Грико, выхватывая меч. Он подтолкнул Алису к кустам. Шут с девочкой уже карабкался по склону. — А ты? — спросила Алиса.

К карете подсканивали рыцари и стражники, придерживая коней.

— Я их задержу. Прощай, Алиса, приятно было познакомиться! Теперь ты будешь моей дамой сердца.

— Я останусь с ним, — заявил Пашка. — Они его убьют.

Но Алиса схватила его за руку и дернула к откосу.

— Люди стольким из-за тебя рисковали, — со злостью сказала она, — а ты опять за своё! Хочешь, чтобы все их труды пропали даром?

— За меня не беспокойтесь, — сказал Грико, влезая на крышу кареты. — Я их задержу, а потом отправлюсь путешествовать.

В последний раз Алиса увидела оруженосца с вершины откоса. Лохматый Грико прыгал на крыше кареты, отбиваясь мечом сразу от десяти неуклюжих рыцарей, которые мешали друг другу.

Шут ждал их наверху. — Не задерживайтесь! — сказал он. — Паша, заberi свой кубок, мне тяжело нести и кубок, и ребёнка.

— Спасибо, что не забыли, — сказал Пашка.

Шут долго вёл беглецов по лесу, кружил, запутывая следы, переходя вброд ручьи и пересекая каменные осыпи. Алиса устала так, что готова была упасть и умереть, но терпела, потому что шуту было ещё труднее — он нес девочку.

А когда идти было невмочь, лес расступился, и они оказались на краю широкой поляны. Посреди неё стоял космический корабль, на боку которого было написано: «Посетите магазин Фуукса».

— Это твоя карета? — спросил шут.

— А вы как догадались?

— Я всё знаю. Иначе бы мне не выжить в этом государстве.

— Обещайте позаботиться о ребёнке, — сказал он Алисе, ставя девочку на землю.

(Окончание следует)